

УДК – 821.4 ГОНЧАРОВ

ОЧЕРК И.А. ГОНЧАРОВА «ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

© 2009 Н.Л. Ермолаева

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября

Аннотация: В статье осуществляется анализ последнего, неопубликованного при жизни очерка И.А. Гончарова «Превратность судьбы» в контексте творчества самого писателя и русской литературы его времени. Автор статьи раскрывает позицию писателя в отношении к литературе для народа, доказывает, что очерк по своим жанровым признакам близок народным рассказам Н.С. Лескова и Л.Н. Толстого 1880-х годов, а также рассказам А.П. Чехова.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, судьба, Провидение, народные рассказы, религиозность, дидактическое начало.

Abstract: The article analyses the last published posthumously essay of I.A. Goncharov *Pravratnost sudby* ("The Turn of Fate") in the context of the creative work of the writer himself and of the Russian literature of his time. The author of the article reveals Goncharov's attitude to the literature for common people and proves that the essay is close in its genre characteristics to the stories for common people by N.S. Leskov and L.N. Tolstoy of the 1880s as well as to the short stories by A.P. Chekhov.

Key words: I.A. Goncharov, fate, Foresight, national stories, religiosity, didactic origin.

Позднее творчество И.А. Гончарова до настоящего времени остается почти не осмысленным в нашем литературоведении. Утверждая так, имею в виду прежде всего последние очерки писателя «Май месяц в Петербурге», «Уха» и «Превратность судьбы». Однако произведения эти отмечены не только художественными достоинствами, но и новыми тенденциями, обозначившимися в творчестве писателя на рубеже 1880–90-х годов.

Все эти произведения Гончаровым названы очерками. Совершенно очевидно, что «Май месяц в Петербурге» подходит под определение этого жанра в том его понимании, которое бытовало в литературе 1840-х годов. А. Цейтлин, например, говорит о его сходстве с физиологическим очерком [1]. Другие же два — «Уха» и «Превратность судьбы» — с физиологиями сравнить трудно. Они вообще стоят в творчестве писателя как бы особняком. Можно предположить, что сам автор называл эти произведения очерками, имея в виду их реальную

основу: в «Ухе» рассказан «какой-то симбирский случай или анекдот», а «сюжет "Превратности судьбы" был сообщен Гончарову симбирским губернатором Загряжским» (8, 502). Однако по жанровым признакам «Уха» близка к притче, а «Превратность судьбы» — к рассказу, в том его облике, в каком этот жанр был характерен для А.П. Чехова, то есть к рассказу с «романным» содержанием.

«Романное» содержание в «Превратности судьбы» — это история жизни человека. Для показа ее Гончарову когда-то требовался объемный роман, теперь — девять с половиной страниц. В отличие от романов в этом очерке он изображает только самые важные, ключевые эпизоды из жизни героя, выстраивая их в последовательном порядке, излагая содержание кратко, точно, без каких бы то ни было отступлений. В произведении отсутствует то, что было характерно для творческой манеры писателя раньше: развернутые описания быта, обстановки, тонкая психологическая интрига, пространственные авторские рассуждения, характеристики второстепенных действующих лиц, юмор и ирония.

© Ермолаева Н.Л., 2009

На первый план в очерке выдвинута личность героя, которую можно охарактеризовать не иначе, как личность праведника. В своем поведении герой руководствуется только честными и благородными побуждениями, он ни разу не кривит душой, хотя и страдает по этой причине. В его облике писатель подчеркивает качества истинного христианина — смирение и глубокую веру в Бога, демократизм и трудолюбие. Все это сближает Хабарова с праведниками Н.С. Лескова. Видимо, опыт творчества этого художника был для автора «Обломова» значительным. Гончаров не однажды отзывался с похвалой о «Соборнах», говорил о Лескове как писателе с большим талантом (8, 214, 261). Возможно, по этой причине даже в психологическом складе героя есть общее с лесковскими персонажами: Хабарову свойственно горение души, он подвижнически служит делу, которое ему поручено. Сближает очерк с произведениями Лескова и своеобразное авторское любование героем.

Однако, в отличие от лесковских праведников, Хабаров не показан в служении людям, не идеализирован, он представитель любимого Гончаровым типа «порядочного человека» [2]. Произведения писателей различает и их идейная тенденция. Жизненная история Хабарова поучительна как история, доказывающая истинные достоинства Александра Первого, его умение ценить людей: действиями императора руководит само Провидение. Лесков же в «Левше» показывает Александра как фигуру карикатурную.

Психологический анализ в очерке Гончарова сведен до минимума. Психологические ремарки автора необыкновенно скупы, они укладываются в одно-два слова; внутренний мир героя раскрыт таким способом, который характерен опять же для произведений Лескова и который исследователи называют показом человеческой души «через сферу сознания» [3]: герою Гончарова свойственна удивительная мудрость: каждый неожиданный поворот судьбы «научает» его, приводит к определенным выводам. После долгого неудачного «хождения за местом», например, «Хабаров сильно затосковал. Он наконец понял, что и с отличными документами можно просидеть без дела и без куска хлеба» (7, 483). После неудачной попытки службы в качестве управляющего герой сам делает вывод, что уволен «за исправность», а после увольнения из приказчиков говорит, что уволен «за неисправность».

Все, что ни случалось в жизни Хабарова, всегда имело как бы две стороны: служил в провинции, но мог заработать себе на жизнь; был замечен Великим князем и переведен за заслуги в Варшаву, но не смог себя обеспечить, а потому был вынужден пойти в отставку; дважды был уволен со

службы: «за исправность» и «за неисправность» и т. д. Даже радость от признания государем заслуг героя приводит Хабарова к нервному потрясению, от которого он заболевает, впадает в горячку. Все это, несомненно, связано с понятием «судьба», вынесенным в название произведения.

Слово «судьба», появившееся в названии последнего очерка Гончарова, не случайно. Оно встречается едва ли не во всех произведениях писателя, независимо от их жанра, и по-разному осмысливается в них. В немногочисленных дошедших до нас его ранних романтических стихотворениях, вторичностью чувств, интонаций, образной системой больше похожих на пародии, отношение к судьбе вполне серьезно, судьба и смерть поставлены рядом. Судьба неумолима и жестока. Автор здесь ещё не отступает от романтической традиции.

В ранних повестях «Лихая болезнь» и «Счастливая ошибка», в очерке «Иван Савич Поджабрин» отношение к судьбе меняется, появляется олицетворённый образ прихотливой, переменчивой, «проказливой» судьбы. Герои этих произведений легко относятся к судьбе, они уверены, что могут вступить с ней в диалог, быть её хозяевами. Гончаров обращается с судьбой запросто, как делали это до него в драматургии, например, В. Шекспир [4], в прозе — Г. Филдинг. Такое вольное обращение с судьбой подчёркивает пародийный характер произведений. Теперь судьба и смерть у Гончарова почти никогда не сойдутся вместе. В отличие от современников с трагическим мироощущением — от М.Ю. Лермонтова или А.Ф. Писемского, например, у которых поле действия судьбы — это жизнь и смерть, у Гончарова, как и у его младшего современника А.Н. Островского, — счастье и несчастье.

В романе «Обыкновенная история» слово «судьба» так же служит созданию комического, пародийного подтекста. В лексиконе романтика Александра Адуева есть богатый запас романтических штампов с этим словом и его синонимами. При использовании они специально выделены в тексте, чем подчёркнута их цитатность: «жребий», «удел», «чаша счастья», «удар судьбы» (Курсив в тексте везде авторский. — Н. Е.).

Вместе с тем слово «судьба» приобретает в романе и иной, вполне «серьёзный» смысл. После того, как Александр пережил в Петербурге множество «ударов судьбы», она осмысливается им как мифологема иррационального, неизданного, тёмного начала бытия. И это представление в чём-то близко пушкинскому. Поэт, как известно, уподоблял судьбу огромной обезьяне, которая «не ведает... что творит» [5].

Окончательно освободившись от романтических иллюзий, приобретя жизненный опыт

и знание людей, Александр поймёт, что счастье нужно искать не в мечтах, а в действительной жизни, что судьба человека во многом зависит от него самого, в его собственных силах сделать карьеру. Нужно только приложить для этого максимум усилий, и случай не обойдёт тебя. Этим и объясняется его оптимизм в эпилоге романа, где он предстаёт как «человек случая», всем довольный в жизни. Но случай прихотлив, и потому счастье Александра преходяще. Это хорошо понимают Пётр и его жена. Они знают, что не всё во власти человека. Лизавета Александровна давно осмыслила своё положение как предназначенное небесами, в её сознании судьба и воля Провидения близки друг другу.

Во «Фрегате “Паллада”» автор, говоря об участии тех стран и народов, которые он посетит, будет осмысливать слово «судьба» как близкое слову «Провидение». Когда же речь пойдёт о судьбе путешественника, он снова «вспомнит» о судьбе как мифологеме тёмного, иррационального начала бытия. Она является в облике женщины с капризным, прихотливым нравом и распоряжается жизнью героя по своему усмотрению.

Близок по содержанию «Фрегату “Паллада”» очерк Гончарова «Два случая из морской жизни», опубликованный в 1858 году в альманахе для детей «Подснежник». В этом произведении слово «судьба» оказывается в одном ряду со словами «случай», «участь», «несчастье». Писатель уверен в том, что судьбу, как злой рок, можно накликасть. В очерке судьба окажется сродни смерти. Их сближает неожиданность проявлений и обманчивая привлекательность. Гончаров противопоставит судьбу Промыслу Божию. Судьба губит, а Промысел Божий спасает, — так думает художник-христианин, и это убеждение сближает его с народом [6]. Вера в то, что к спасению во время бури мореплавателей ведет Промысел Божий, наглядно выражена в очерке. В нем на первый план выдвинута идея сотрудничества человека и божественной энергии в деле спасения. Писатель утверждает, что божественная воля действует через человека.

К такому убеждению автор приводит читателей и в романе «Обломов», показывая истинным хозяином своей судьбы Штольца, который живёт в согласии с судьбой, он знает её нрав. Недаром он говорит Ольге: «Смотри, чтоб судьба не подслушала твоего ропота <...> она не любит, когда не ценят её даров» (2, 401).

Убеждены в необходимости покориться судьбе в конце романа герои «Обрыва»: бабушка, Вера, Тушин, Райский. Каждый из них по-своему ищет жизни в «содружестве» с судьбой. Им хотелось бы предугадать волю Провидения, направить её в желанное русло: всем им кажется, что брак Веры

и Тушина стал бы счастливым эпилогом развернувшейся драмы. Но каждый понимает, что не в его власти знать, чего захочет судьба.

Судьбы героев Гончарова не зависят непосредственно от их воли, они складываются по-разному и имеют общечеловеческий смысл. Судьба Александра и Петра Адуевых — это подчиненность общему и неизбежному ходу вещей: каждый из них «смолоду был молод», «вовремя созрел» [7]. Роман и назван «Обыкновенная история» именно потому, что в нем рассказана история каждого человека. Взросление Александра происходит необыкновенно трудно и болезненно — этим его история и интересна автору, но все-таки она стара, как мир.

Другая обыкновенная история показана Гончаровым в романе «Обломов». Она о человеке, в котором жизнь, говоря словами А.И. Герцена, «задавила не одну возможность» [8]. Общечеловеческий смысл этой истории Гончаров «дополняет» современным, социальным, национальным. Судьба Веры и бабушки в «Обрыве» тоже известна с библейских времён — это история падения «блудной дочери».

Герои Гончарова в этом смысле — люди судьбы. И они сами это очень хорошо понимают. Петр Адуев в конце романа говорит о том, что ему «судьба не велит идти дальше» (1, 264) [9]. Обломов предсказывает свою судьбу и судьбу Ольги, когда пишет ей в письме о предстоящей разлуке, о том, что Ольга ещё не понимает своего истинного назначения. Обломов смиряется с собственной судьбой перед смертью, когда признает, что, в отличие от других людей, призванных выразить тревожные стороны бытия, он рожден «как мирный зритель боя» (2. 411). В отношениях с Марком Вера отчаянно сопротивляется собственной судьбе, «необходимости» падения, но неудержимо устремляется на зов Марка, и Райскому не хватает сил ее остановить. Вера вспоминает о судьбе в роковой для неё момент: «Может быть, там меня ждет сама судьба...» (4, 425). Во всех этих случаях судьба понимается как жизненная закономерность, во многом определяемая особенностями характеров героев, их личностных побуждений, сформированных средой или таящихся в самой природе человека.

Судьба Хабарова из очерка «Превратность судьбы» свидетельство как признания писателем роли случая в жизни человека, так и новое подтверждение той истины, что божественная воля действует через человека, при его непосредственном участии. Жизненный путь героя — это ряд испытаний: нужда, тяжелая, черная работа, человеческая неблагодарность, невозможность получения достойного места в жизни, неопределенность, во многом определяемые случайностями.

Однако все превратности судьбы герой встречает с достоинством и смирением. Каждый раз, когда судьба готовит ему испытания, он отвечает на них не растерянностью и унынием, а активностью и трудолюбием. И в итоге достоинства героя оценены: сам император Александр помогает Хабарову занять то место в жизни, которое ему и должно было принадлежать по праву.

На вопрос, почему так происходит, в очерке есть вполне однозначный ответ: в любой жизненной ситуации героя спасает вера в Бога. В момент самых тяжелых испытаний, выпавших на его долю, когда ему приходится исполнять тяжелую работу за рубль в сутки, чтобы не умереть с голоду, и у него, по его собственным словам: «Ничего не осталось, ничего» (7, 487), – Хабаров идет в Казанский собор и молится Богородице. Именно после этого, «погруженный в раздумье о своей горькой участи» (7, 486), он отправляется куда глаза глядят. Кто ведет его по этому пути? В очерке сказано: «Долго ли, коротко ли он шел, он ничего не помнил. Очнувшись от задумчивости, он шел дальше, оглядывался кругом и опять шел» (7, 486). Несомненно одно: ведет Хабарова какая-то высшая сила, как бы сам Бог приводит его к императору. После встречи с ним и получения места, а по сути, после чудесного избавления от всех напастей, герой «зашел в Казанский собор, долго молился и горячо благодарил за божественную помощь в претерпленных испытаниях и внезапную радость» (7, 489). Символично в очерке и то, что служба героя связана со строительством храма Христа Спасителя архитектором Витбергом в Москве. Теперь он трудится во славу Господа. Однако читателю известна драматичная история неудачного строительства этого храма, и это означает, что судьба приготовила герою новые испытания. В этом смысле можно утверждать, что в очерке открытый финал.

Очерк «Превратность судьбы» характеризуется очевидная, выявленная в тексте религиозная проблематика. Ничего подобного мы не найдем в двух первых романах писателя: в них религиозная тема присутствовала лишь в подтексте. История Хабарова поучительна, и это важно для автора. Он стремится убедить читателя в том, что истинные душевные достоинства: трудолюбие, смирение, скромность, честность, стойкость в вере – не останутся не оцененными. Дидактическая тенденция здесь на поверхности.

Открытая религиозность, дидактическое начало, несомненно, сближают очерк Гончарова «Превратность судьбы» с современными ему народными рассказами. На первый взгляд, это сближение может показаться спорным. Дело в том, что Гончарову никогда не был свойствен демократизм. Об этом свидетельствует изображение

народа в его романах, «Фрегате “Паллада”». Но с полным правом можно утверждать и то, что к концу жизни взгляд Гончарова на народ в чем-то меняется: писатель не перестал видеть недостатки народа, но сумел оценить его достоинства. Об этом свидетельствует цикл «Слуги старого века». Причинами «потепления» Гончарова в отношении к народу, к представителям демократического большинства населения, становятся жизненный опыт труженика (Гончаров всю жизнь служил и в старости жил на скромную пенсию, при этом помогая детям семьи Трейгутов), уважение в человеке высоких нравственных качеств, общность религиозных убеждений и осознание писателем преимущества веры народной, сердечной. В письме А.Ф. Кони от 30 июня 1886 года он писал: «Я с умилением смотрю на тех сокрушенных духом и раздавленных жизнью старичков и старушек, которые, гнездясь по стенке в церквях или в своих каморках перед лампадой, тихо и безропотно несут свое иго – и видят жизнь и над жизнью высоко только крест и Евангелие, одному этому верят и на одно надеются! Отчего мы не такие! «Это глупые, блаженные», – говорят мудрецы мыслители. Нет – это люди, это те, которым открыто то, что скрыто от умных и разумных. Тех есть Царствие Божие, и они сынами Божиими нарекутся!» [10]

Много общего можно обнаружить между очерком Гончарова и народными рассказами Л.Н. Толстого. Это использование «готового» сюжета: в конце очерка «Превратность судьбы» указано, что история его героя записана со слов Углицкого. Такое сообщение усиливает достоверность и убедительность рассказанного в глазах читателя. Доступным народному читателю делают ясность и простота повествования. Кроме того, Гончаров, как и Толстой, использует приемы, характерные для фольклора, прежде всего для жанра сказки: во второй и третьей главах очерка «Превратность судьбы» использован прием троекратного повторения. Герой безуспешно пытается определить то на место городничего, то на место смотрителя казенного заведения, то на место почтмейстера. Его постигают неудачи на службе в качестве управляющего, приказчика и черно-рабочего. В некоторых случаях автор использует даже языковые обороты, характерные для сказки, например: «Долго ли, коротко ли он шел, он ничего не помнил» (7, 486). «Ударным» моментом в очерке становится его развязка, в ней авторская сентенция раскрывается наиболее очевидно [11]. Каждая из названных особенностей в большей или меньшей степени соответствует тому, что мы находим в народных рассказах Толстого.

Близость очерка произведениям Толстого, видимо, не является случайностью. В 1887 году Гончаров получил приглашение Толстого учас-

товать в создании произведений для народа, но от этого приглашения отказался. Причины отказа писатель указал в письме Толстому от 2 (14) августа 1887 года и в предисловии к позднему циклу очерков «Слуги старого века»: он никогда не испытывал особых симпатий к народу и не писал о нем, потому что не знал народ, не жил в усадьбе, не имел крепостных и не занимался сельскохозяйственными работами. Кроме того, в том же цикле, в первом очерке «Валентин», основываясь на наблюдениях за своим слугой, с великим удовольствием читавшим произведения, которые он не понимал, Гончаров делает во многом неожиданные для создателей народных книг выводы: «Я тут убедился в том, что наблюдал и прежде: что простой русский человек не всегда любит понимать, что читает. Я видел, как простые люди зачитываются до слез священных книг на славянском языке, ничего не понимая, или понимая только “иные слова”, как мой Валентин. Помню, как матросы на корабле слушали такую книгу, не шевелясь по целым часам, глядя в рот чтецу, лишь бы он читал звонко и с чувством. Простые люди не любят простоты» (7, 197).

Гончаров читал народные рассказы Толстого «Чем люди живы», «Два старика», «Три старца», пьесу «Власть тьмы» и писал их автору: «Их и не простой народ прочтет сквозь слезы: так прочел их я — и точно так же прочли их, как я видел, женщины и дети... Такие любовью писанные страницы есть лучшая, живая и практическая исповедь и толкование главной евангельской заповеди» (8, 497).

Видимо, писатель немалое время размышлял над предложением Толстого и, хотя отказался от него, но симпатия к его народным рассказам породила творческую рефлексию: Гончаров ответил на него такими произведениями, как «Слуги старого века», «Уха» и «Превратность судьбы». Два последних, возможно, и предназначались им для «Посредника», но Гончаров не решился предложить их Толстому, так как испытывал комплекс неполноценности перед этим гением, в его представлении, во многом близком по масштабам дарования Пушкину. Именно так Гончаров характеризует Толстого в письмах последних лет жизни. К собственному творчеству этих лет он относится с иронией: «Старьем немного отзывается: как будто сидел-сидел дед на месте, глядя на пляску молодежи, да вдруг не утерпел, вспомнил старину и проплясал гросс-фатер. Конечно, ему хлопают» (8, 503). Возможно, именно по этой причине очерки так и остались неопубликованными при жизни писателя.

Еще одна, не менее значимая возможная причина отказа от публикации состоит в том, что у Гончарова была своя позиция в отношении к литературе для народного читателя. Она ясно вы-

ражена в подтексте письма Толстому от 2 августа 1887 года: автор «Обломова» был принципиально не согласен с Толстым в необходимости писать исключительно для народа, как когда-то, в 1850-е годы был не согласен с В.Н. Майковым в том, что нужно писать специально для детей [12]. Свои последние очерки Гончаров не рассчитывал только на определенный круг читателей. Их тенденция — тенденция общечеловеческая.

Произведения и письма Гончарова последних лет дают возможность утверждать, что он боялся «впасть в толстовство», выглядеть в глазах читателей слишком тенденциозным писателем. Об этом свидетельствует оговорка в цитированном уже письме А.Ф. Кони от 30 июня 1886 года: «Вы скажете: что этот старый осел мелет! Не хочет ли он по стопам графа Толстого: куда конь с копытом, туда и рак с клешней! Нет — так взгрустнулось что-то и потому сбрыхнулось!» [13].

Обращение к поздним очеркам Гончарова позволяет сделать вывод о том, что последние десятилетия в творчестве писателя не были годами молчания. Он много размышлял о современной ему литературе, прекрасно улавливал тенденции ее жанрового и идейного развития, в своих немногих и «незнаменитых» произведениях этим тенденциям соответствовал, а некоторым осознанно противостоял, всегда и во всем как истинно мудрый человек, стараясь, говоря словами его любимого Обломова, «избегнуть крайностей и придержаться середины...» (2, 43).

ЛИТЕРАТУРА

1. Цейтлин А. Примечания / А. Цейтлин // Гончаров И.А. Собр. соч. : в 8 т. — М., 1952. — Т. 7. — С. 502. Тексты произведений Гончарова цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.
2. См. об этом: Мельник В.И. Этический идеал И.А. Гончарова. — Киев, 1991. Глава вторая «В поисках идеального героя».
3. См., например: Долинина И.В. Н.С. Лесков 1870 х годов : тип художественного мышления и динамика жанров : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / И.В. Долинина. — Иваново, 2001. — С. 11.
4. См. об этом: Полторацкий А.И. Судьба у Шекспира / А.И. Полторацкий // Понятие судьбы в контексте разных культур. — М., 1994. — С. 260-267.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1978. — Т. 10. — С. 160.
6. См. об этом: Ермолаева Н.Л. И.А. Гончаров для юного читателя / Н.Л. Ермолаева // Литература в школе. — 2007. — № 9. — С. 16-19.
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10-ти т. / А.С. Пушкин. — Т. 5. — С. 145.

8. Герцен А.И. Собр. соч. : В 8 ми т. / А.И. Герцен. – М., 1975. – Т. 1. – С. 133.

9. Заметим, что М.В. Отрадин считает, что Пётр, как будущие герои Достоевского, остаётся при убеждении, что его «теория верна», но он не выдержал, а потому в конце романа радуется за Александра (Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. – СПб., 1994. – С. 56).

10. Цит. по ст.: Мельник В.И. О религиозности И.А. Гончарова // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 203.

11. Такие приметы народных рассказов Толстого отмечает в своей книге «Мастерство Л.Н. Толстого» Л.М. Мышковская (Л., 1958.) Гл. «Народные рассказы».

12. См. об этом в письме Гончарова В.Н. и Ек.П. Майковым от 9 (21) августа 1860 года.

13. Цит. по ст.: Мельник В.И. О религиозности И.А. Гончарова. – С. 203.

*Ермолаева Н.Л.
Ивановский государственный университет.
Доцент кафедры русской словесности и
культурологии, преподаватель кафедры русского
языка, Филологического факультета.
e-mail: Ninaermolaeva@yandex.ru*

*Ermolaeva N.L.
Ivanovo State University.
Associate professor of the Department of Russian
Philology and Cultural Studies.
e-mail: Ninaermolaeva@yandex.ru*